

Г.А. САТАРОВ

Судебная власть: фрагмент диагноза*

В данной статье мне хотелось бы коснуться одного из важных выводов, сделанных на основании исследований проекта “Судебная реформа в России: институционально-социетальный анализ трансформации, ревизия результатов, определение перспектив”. Этот вывод, который я хочу сформулировать в самом начале статьи, возникает как единый ответ на три взаимосвязанных вопроса:

– в чем главное различие между демократическими обществами вместе с их политическими (властными) институтами, с одной стороны, и недемократическими (авторитарными, тоталитарными, диктатурами и т.п.) – с другой?

– в чем главное различие между функционированием судебных властей в странах двух указанных выше типов?

– в чем главное препятствие при трансформации судебной власти при переходе страны из второго “лагеря” в первый в процессе транзита?

Проведенные Фондом ИНДЕМ исследования позволяют увидеть ответ (один из возможных ответов), когда последний вопрос сопрягается с двумя предшествующими. Итак, предлагаемый ответ таков: **в демократических обществах горизонтальные отношения преобладают по сравнению с вертикальными; властные институты и политическая система обслуживают, в первую очередь, такого рода отношения, приспособлены к ним. В недемократических обществах – наоборот: вертикальные отношения (типа властного доминирования или подчинения) доминируют, а властные институты (включая суд) и политическая система обслуживают прежде всего эти вертикальные отношения.** Данное утверждение удобно обосновать и использовать, если разделить его на три ответа на три приведенных выше вопроса. Ниже они приводятся с последующими обоснованиями.

Ответ 1. В демократических обществах горизонтальные отношения преобладают над вертикальными, власть работает преимущественно на обеспечение¹ этих отношений. В недемократических обществах все наоборот.

На самом деле, это утверждение, выраженное в разных эквивалентных формулировках, довольно известно. Часто оно принимается по умолчанию, подразумевается; иногда явно артикулируется и время от времени становится основой целых теорий.

* Статья подготовлена на основе материалов трехгодичного проекта “Судебная реформа в России: институционально-социетальный анализ трансформации, ревизия результатов, определение перспектив”, реализовывавшегося Фондом ИНДЕМ при поддержке Фонда Форда, а также Центра международного частного предпринимательства (CIPE). В начале 2010 г. выйдут две книги с изложением результатов проекта, сейчас многие материалы доступны на сайте Фонда ИНДЕМ (www.indem.ru).

¹ Термин “обеспечение” не имеет здесь материального смысла. Он заменяет набор: урегулирование, поддержание, защита и т.п. Это особенно очевидно, если использовать в качестве примера отношения конкуренции и обмена в рыночной экономике.

Причем интересно, что с какой бы стороны различные социальные мыслители ни подходили к построению теорий современного общества, общим знаменателем их построений оказывался один и тот же факт (артикулируемый или нет): доминирование горизонтальных отношений. Рассмотрим только три примера.

Т. Парсонс выделял в современном обществе четыре подсистемы [Парсонс, 1997, с. 31]. Первые две почти полностью поглощаются гражданским обществом и в этой части основаны исключительно на горизонтальных отношениях: экономическая подсистема и социетальное сообщество (последнее выполняет функцию координации различных элементов общества). Третья подсистема – политика, в которой доминирующую роль играет политическая конкуренция, горизонтальная по своей природе, как и экономическая конкуренция. Четвертую подсистему Парсонс именовал “Система попечения”. Она предназначена для передачи культурных образцов и обеспечения их усвоения. Понятно, что сюда входит не только образование. Но даже в этой части в современных демократических странах оно далеко не целиком обеспечивается государством, особенно – высшее образование. А если вспомнить, что сюда входят культура и искусство, то удельный вес горизонтальных отношений в этой подсистеме резко повысится.

Н. Луман, строя свою грандиозную теорию общества², кладет в ее основу категорию коммуникации, причем именно горизонтальной коммуникации. По Луману, социальная коммуникация поддерживается равноправием участников, среди которых по разным поводам и вопросам по-разному распределены знание и незнание, а также распределены источники нового знания. Коммуникация не имеет границ. В недемократических обществах, должен заметить, коммуникация осуществляется “сверху вниз”, “наверху” расположены источники знания, а “внизу” – незнания. Новое знание поступает “сверху вниз”. Коммуникация в обратном направлении ограничена и регулируется “сверху”; границы информационных потоков также устанавливаются “сверху”.

Э. Геллнер вводит понятие *модульного человека*. Тут речь идет о некоей многовалентности человека в развитом гражданском обществе – способности образовывать группы по разным поводам. Одна персона может входить в разные группы (отношения) и отождествлять себя с ними. Вот как это делает автор: “Модульный человек способен встраиваться в эффективные институты и ассоциации, которые *не обязательно* должны быть тотальными, ритуально оформленными, связанными множеством переплетающихся нитей со всеми остальными элементами социального целого, опутанного этими взаимоотношениями и в результате обездвиженного. Он может, не связывая себя ритуальным жертвоприношением, входить во временные союзы, имеющие вполне определенную, конкретную цель. Он может также покинуть эти союзы, если он не согласен с их политикой, и никто не станет обвинять его в измене. Рыночное общество живет в условиях не только изменяющихся цен, но и изменяющихся союзов и мнений” [Геллнер, 2004, с. 118].

Ясно, что тут речь идет о множестве горизонтальных отношений, образующих гражданское общество. Последнее – и это общее место, очевидность – является фундаментом современных демократических обществ.

Забавно: приведенная выше типология подсистем, введенная Парсонсом, горизонтальна по своей природе. В ней подсистемы равноправны и взаимодействуют по горизонтали. Иное дело – теории общественного устройства, скажем в СССР. Там все предельно просто и расположено по вертикали: наверху “гегемон” – рабочий класс; справа и несколько ниже – “трудовое крестьянство”; и много ниже под ними обоими распласталась “прослойка” интеллигенции. В предлагаемой модели различения “вертикаль–горизонталь” такая структура общества тождественна феодальной, структуре

² Луман строит теорию современного демократического общества. Далеко не всегда он говорит об этом явно, но систематически данный факт непосредственно проявляется в его рассуждениях (см. [Луман, 2004, с. 43]).

рабовладельческого общества и т.п. Во всех них социальные группы образуют иерархии, вдоль которых распределяются власть, богатство и прочие ресурсы.

Теперь перейдем от общества к власти. Ее роль в обеспечении горизонтальных отношений станет очевидной, если коснуться “подсистемы экономики” (повторяю этот очевидный аргумент для тех, кто брезгают читать сноски). Любой экономист скажет: главные функции власти в этой сфере – защита частной собственности и обеспечение контрактного права. И то и другое – горизонтальные отношения. Сюда же можно подверстать и широкий спектр гражданских отношений – брак, наследство, трудовые отношения и т.п. Но дело не только (и даже не столько) в этом.

Власть в демократическом государстве, по существу, вынуждена обеспечивать гражданские отношения во всех их легальных проявлениях, не посягая при этом (за редчайшими исключениями экстремального свойства) на сужение зоны легальности. Обосную приведенный тезис, сопрягая идеи Парсонса и Лумана. Парсонс (апеллируя, кстати, к Т. Веберу) трактует демократию как политическое устройство, “выигравшее конкурентную борьбу за адаптивность” [Парсонс, 1997, с. 12]. Возникает вопрос: а как обеспечивается эта адаптивность? Парсонс отвечал на него, создавая искусственные “инженерные сооружения” из подсистем, за что был неоднократно критикован коллегами.

Более естественный и правдоподобный ответ находим у Лумана. Фактически он говорит о том, что общество как социальная система генерирует неопределенность, случайность: “Она (социальная система. – Г.С.) достигает состояния неопределенности, которое не может быть сведено к непредсказуемости воздействий извне (независимой переменной), а выводится из самой системы”, формируя резерв этой системы для приспособления к непредсказуемым состояниям [Луман, 2004, с. 46–47]. И далее: “Она (социальная система. – Г.С.) сама сталкивает себя с – для нее самой неопределенным – будущим, ради которого как бы накапливаются резервы приспособления к непредсказуемым состояниям” [Луман, 2004, с. 47]. Иными словами, социальная система (в терминологии Лумана) адаптируется к будущему. Речь идет о реальном будущем, а не о будущем-настоящем (вариант застоя, стагнации) или будущем-прошлом (регресс). Способ адаптации – избыточное генерирование случайно изыскиваемых инноваций (культурных, социальных, технических, научных, идеологических и т.п.), осуществляемых в постоянно бурлящем “бульоне” общества. В нем люди и идеи непрерывно образуют практически неисчислимый континуум различных сочетаний совместных активностей с непредсказуемыми исходами. Их совокупный текущий итог образует тот резерв адаптации к непредсказуемому будущему, упоминаемый Луманом. Сразу констатирую: вертикально построенная власть не в состоянии породить такого непредсказуемого разнообразия. Оно возможно только из-за богатства горизонтальных текучих связей, порождаемых гражданским обществом. Поэтому власть заинтересована в поддержании горизонтальных отношений, благодаря которым накапливается резерв адаптации к будущему. Пренебрежение им равносильно пренебрежению будущим, а это опасно, в том числе для самой власти.

Не следует думать, что упомянутую выше “заинтересованность” нужно рассматривать как осознанную стратегию поведения. Скорее, это стихийно, эволюционно формирующиеся, неосознанные стереотипы. Вот пример: разделение властей обычно трактуется как условие системы сдержек и противовесов, которая, в свою очередь, обеспечивает одну из гарантий защиты общества от власти (первоначальная идея демократии как альтернативы тирании). Но разделение властей одновременно помогает повернуть на 90 градусов властную вертикаль, превратить ее в систему горизонтально организованных властных институтов, осуществить, если можно так выразиться, “горизонтализацию” власти. Разделение властей позволяет вытеснить из системы власти понятие “верха”. А в вертикально организованных политических системах всегда есть верх, неважно, как он называется – монарх, вождь, диктатор или “передовой отряд”.

В массовом сознании различие между вертикалью и горизонталью также отчетливо прослеживается, независимо от того, какими категориями мы пользуемся. Например,

применяя широко популярную категорию лояльности, обнаруживаем, что она также может быть преимущественно вертикальной или преимущественно горизонтальной. В феодальном обществе важна лояльность вассала сюзерену, лояльность тому, кто выше тебя. Это – вертикальная лояльность. В демократическом государстве важнее лояльность различным социальным группам, с которыми идентифицирует себя индивид. Это – горизонтальная лояльность. Есть веские основания подозревать, что переход от привычной вертикальной лояльности к горизонтальной – тяжелейшая психологическая проблема для отдельного человека и не менее серьезная социальная проблема для общества. Не случайно демократические общества идут на ухищрения, решая эту проблему, чтобы ослабить негативные эффекты влияния потребности в вертикальной лояльности. Лояльность персоне на вершине подменяется лояльностью символам (флагу, гимну, конституции). Другой вариант: “персона наверху” сохраняется, но лишается реальных властных полномочий, как в конституционных монархиях. В обоих случаях, кинув подачку своему древнему инстинкту вертикальной лояльности, общество легче превращается в совокупность модульных индивидов, каждый из которых наделен своей личной системой горизонтальных лояльностей.

Ответ 2. В демократических обществах суд – главный властный институт, обеспечивающий поддержание горизонтальной системы отношений. В недемократических обществах – это рядовой институциональный участник обеспечения вертикальных отношений³.

Что касается второго высказывания, то оно очевидно для современных недемократических обществ. Идеальный пример – суд в СССР, о чем немало написано, что подтверждается материалами нашего проекта, включая глубинные интервью. Аналогичные утверждения мы получали от коллег-экспертов из Болгарии и Польши, участвовавших в нашем проекте. Если говорить о “старых временах”, то, конечно, имеются исключения, поскольку тогда не было такой развитой институциональной дифференциации, а потому судебная власть иногда становилось главным, если не единственным, властным гражданским институтом, который в силу единственности не мог быть “рядовым участником”. Но и в этих случаях он, естественно, обслуживал вертикальные отношения между властью и обществом. Вот пример. Много веков назад арабский мыслитель (и честный судья, за что попал в тюрьму по навету коллег) Ибн Хальдун дал замечательное определение современного ему “вертикального” государства, которое в нынешней терминологии звучало бы примерно так: “Государство – это институт, который пресекает любую несправедливость, кроме той, которую он творит сам” (цит. по [Геллнер, 2004, с. 39]). Пожалуй, это самая яркая формулировка неравноправия власти и подданных.

Перейду теперь к первому утверждению из данного ответа. Сначала сошлюсь на Л. Фуллера, который еще в 1964 г. оперировал соображениями, подобными нашему различению вертикальных и горизонтальных отношений. Правда, он использовал другое различие, рассматривая “управленческую систему”, в которой директивы передаются “сверху вниз”, и правовую систему. Последнюю он описывал, противопоставляя ее первой, следующим образом: “Нормы правовой системы, напротив, обычно служат, в первую очередь, цели установления отношений гражданина с другими гражданами и лишь опосредованно – его отношения с властными органами, от которых исходят эти нормы. (Хотя порой мы мыслим уголовное право как определяющее обязательства гражданина по отношению к правительству, его главная функция состоит в том, чтобы обеспечивать твердые и неизменные рамки взаимодействия граждан между собой.)” [Фуллер, 2007, с. 246].

Поскольку суд – главный институт, обеспечивающий функционирование поля права, обоснование можно было бы считать завершенным. Но найти авторитетного единомышленника маловато, чтобы убедить сомневающихся. Поэтому продолжу.

³ Подобные утверждения не следует рассматривать как абсолютные и не имеющие исключений. Я оперирую вероятностными утверждениями, описывающими ведущие социальные тенденции.

Главное, с моей точки зрения, что лежит в обосновании ответа 2, – зафиксированное философами права базовое различие между судом-карателем и судом-посредником (арбитром). П. Рикер считает важным достижением цивилизации отделение правосудия от мести [Рикер, 2005, с. 114]⁴. Это осуществляется посредством появления суда в качестве посредника. Он может выполнять свою функцию только будучи независимым и беспристрастным. (В этом смысле беспристрастность – часть справедливости.) Естественно, что Рикер ставит важнейший вопрос: “какими средствами, какими ресурсами, от имени какой инстанции судебный процесс совершает разрыв с... мстью?” [Рикер, 2005, с. 156]. Однако чуть ниже он подменяет свой вопрос, столь важный для данных рассуждений, другим вопросом о том, каковы “средства, с помощью которых осуществление уголовного права устанавливает разрыв между насилием, и слова правосудия” [Рикер, 2005, с. 156]⁵.

Тем самым вопрос о том, как перейти от суда-мстителя к суду-посреднику, подменяется вопросом о морфологии последнего. Тем не менее ответ важен. Рикер формулирует четыре условия, которые вкратце можно выразить так: 1) суд всегда является “третьей стороной”, не встающей ни на чью сторону; 2) в этой беспристрастной позиции опирается на систему писаных законов; 3) наличествуют равноправные дебаты; 4) приговор выносит суд, а не обвинитель или адвокат.

Как видно, Рикер не отвечает на вопрос о том, как происходит переход от суда-мести к суду-посреднику. Или тот же вопрос в менее пассивной и более актуальной для нас форме: как перейти к суду-посреднику? Наш проект, например, убедительно показывает, что новых писаных норм совершенно не достаточно. Поэтому ответ Рикера о морфологии суда-посредника недостаточен, но к этому мы вернемся позже. Здесь же важно констатировать главное: суд-посредник возможен только при его нейтральной позиции.

Относительно кого? В той ситуации, которую анализирует Рикер, ответ ясен: во-первых, относительно подсудимого (обвиняемого), а во-вторых, относительно обвинителя-государства, представляющего с помощью прокурора интересы потерпевшей стороны, жаждущей мести. Но если суд нейтрален относительно государства-обвинителя, то где расположен суд? Нет причин вырывать его из системы государственной власти на том основании, что у него есть прерогативы не поддержать обвинение или поддержать иск гражданина к органу власти. Если мы принимаем термин (и, тем более, функцию) “государственные услуги”, то принимаем и термин (и соответствующую функцию, реализуемую судом) “услуги по обеспечению справедливости”.

Описываемая Рикером морфология суда-посредника, который только и может претендовать на достижение справедливости, важна тем, что это, по существу, схема *кооперации* между судом и сторонами, в рамках которой все участники процесса заняты общим делом – поиском справедливости. Легко убедиться, что речь идет именно о кооперации, проделав следующий мысленный эксперимент. Представим себе, что один из участников кооперации халтурит по собственной инициативе. Легко понять, что это затрудняет поиск справедливости для остальных. А вот другой эксперимент: вообразим, что один из участников кооперации ограничен в своих действиях, поставлен в дискриминирующие условия. Поможет ли это в общем поиске справедливости? Ответ ясен – нет.

Термин *кооперация* не должен смущать, когда речь идет о *состязательном* процессе. Состязательность здесь – условие равноправия сторон в процессе, на основе чего

⁴ Архаичный (или современный) суд-каратель осуществляет, по сути, старую функцию мести. Это уподобляет его древним институтам кровной мести, которые описывал П. Сорокин. Архаичный характер карающего, мстящего суда подчеркивает и Рикер.

⁵ Обратите внимание, что Рикер печется об уголовном правосудии. Интересно, что наша судебная статистика показывает: именно здесь мы имеем более всего проблем с преодолением эффектов суда-мести (обвинительный уклон). Это же подтверждают наши социологические и экспертные исследования, согласно которым наличие в качестве одной из сторон государства в лице обвинителя делает уголовный процесс менее беспристрастным (справедливым) по сравнению, скажем, с арбитражным.

только и может возникнуть кооперация в столь щекотливой и противоречивой ситуации. Состязательность здесь не предусматривает победителя, поскольку достижение справедливости в процессе – всегда и главная цель, и общая победа. Только архаические пережитки ордалий, поддержанные широким распространением спортивных состязаний в современной культуре, побуждают прокуроров и адвокатов переносить на свою деятельность психологию и ритуалы (вроде пожатия руки с поздравлениями победителя от проигравшего) спортивного состязания. В противовес этому архаичный (не состязательный) процесс суда-мести не предусматривает кооперации. Он основан не на горизонтальных отношениях кооперации, а на вертикальных отношениях господства⁶. Суд-месть не есть место поиска справедливости, он решает только одно: должен по данному поводу опуститься меч правосудия или нет.

Приведенные рассуждения обосновывают два тезиса. Первый: сам суд-посредник устроен горизонтально, будучи площадкой для кооперации в целях поиска справедливости при конфликтных ситуациях. Второй: суд состоит в горизонтальных отношениях кооперации и с органами власти, и с участниками процесса. Этому никак не противоречит то обстоятельство, что среди участников процесса суд выделяется правом контролировать процедуру и выносить вердикт. Во-первых, суд и сам должен подчиняться процедуре, а во-вторых, его вердикты могут оспариваться сторонами (в том числе, и на основании нарушения судом процедуры).

Итак, современный суд-посредник работает в системе горизонтальных отношений. Но при этом он выполняет важную функцию в системе отношений между другими органами власти и гражданами. Ведь прочие органы власти имеют свои прерогативы, связанные с вертикальными отношениями (разрешить, наказать, конфисковать, нарушить зону частной жизни и т.п.). Но суд-посредник дополняет эти вертикальные отношения доминирования (господства) горизонтальными отношениями, порождаемыми конституционными полномочиями народа как источника власти. Именно суд обеспечивает возможность обратного действенного контроля граждан над властью, порожденной ими в качестве (по Веберу) “института легитимного насилия”. Как только в этой своей функции суд ослабевает, пропадает легитимность и остается насилие. Таким образом, в отношениях между гражданами и остальными институтами власти суд выполняет функцию “горизонтализации” этих отношений.

Выше было зафиксировано, что суд-посредник вводит в уголовный процесс – и тем самым во взаимоотношения сторон в нем – горизонтальные отношения кооперации. Только что, чуть выше, было сказано, по существу, об административном процессе, в который суд-посредник также вносит горизонтальные отношения. Осталось рассмотреть несколько видов судебного процесса, чтобы закончить обоснование ответа 2. Это означает, что осталось коснуться гражданского и арбитражного процессов. Но тут все очевидно, поскольку они рассматривают конфликты, возникающие в горизонтальных отношениях между физическими и (или) юридическими лицами. И кроме того, независимый суд-посредник препятствует проникновению в эти отношения влияния органов власти, тем самым охраняя свою функцию регулирования горизонтальных отношений от вторжения вертикальных отношений.

Ответ 3. Главное препятствие при трансформации судебной власти в транзитных странах состоит в трудности перехода от обеспечения вертикальных отношений к обеспечению горизонтальных.

Это утверждение основывается на результатах нашего проекта. С одной стороны, институциональный анализ показывает: нет особых проблем в смене формального регулирования. Новые законы принимаются легко и быстро. С другой стороны, наши социологические исследования – глубинные интервью, опросы, экспертные – единодушно демонстрируют одно и то же. Там, где одной стороной процесса в том или ином виде выступает власть, прежде всего – в административном и уголовном процессе,

⁶ Ср. приведенные рассуждения с анализом теории справедливости Ролза, предпринятым Рикером [Рикер, 2005, с. 68]. Мои рассуждения вдохновлены именно этим анализом.

суд существенно чаще утрачивает независимость и беспристрастность. Там много чаще суд, нарушая при этом нормы процессуального права или действуя вопреки духу Конституции, утрачивает независимость и беспристрастность. Там правовое регулирование горизонтальных отношений превращается в регулирование неформальных вертикальных отношений, нанося ущерб правосудию и тем самым – справедливости.

Исследование показало, что проблемы возникают там, где присутствие других органов (ветвей) власти неистребимо по природе конфликта, разбираемого в суде. Именно там “горизонтализация”, которую должен был бы поддерживать суд, не срабатывает по тем или иным причинам. Впрочем, это не означает, что подобных проблем не возникает в других видах процесса. Точно так же вполне возможны беспристрастные решения суда в процессах с присутствием власти в качестве стороны. Типичный пример: взыскание с органов власти несделанных социальных выплат. Еще раз важно подчеркнуть: здесь речь идет только о соотношении шансов.

Трудности перехода между двумя видами отношений, упомянутые в данном ответе, коренятся не в сфере формального регулирования работы суда. Они лежат, и это также непосредственно вытекает из наших результатов, в иных сферах. Мы утверждаем и доказываем это в нашем проекте, что трудности возникают в следующих зонах:

1. *Сопряжения с другими властными институтами.* Вот типичный пример, связанный с такой важной категорией, как доступность правосудия. Очень часто попытки гражданина восстановить свои права или компенсировать ущерб начинаются с заявления, подаваемого потерпевшим в отделение милиции. Как известно, в России шанс получить положительный отклик невелик, но он увеличивается с ростом социального статуса потерпевшего. Это типичный пример внесения вертикальных отношений в поле права неадекватной работой органа власти.

2. *Влияние истории*⁷. Общее место – роль председателей судов как трансляторов давления на судей со стороны исполнительной власти. Понятно, что это давление приводит к тому, что ликвидируются горизонтальные отношения между ветвями власти, и одновременно суд лишается возможности “горизонтализации” отношений между органами власти и гражданами. Ясно, что такая роль председателей судов не предусмотрена законом. Она унаследована из прошлого на уровне удобных для власти неформальных практик.

3. *Особенности массового сознания (правосознания).* Вертикальная модель мира (мира вертикальных отношений) устроена проще, воспринимается комфортнее. Для подавляющего большинства она удобна, ибо предлагает опеку и защиту сверху (неважно, мнимую или реальную) в обмен на лояльность и пассивность снизу. Горизонтальная модель мира не только воспринимается как более сложная, но и требует постоянной индивидуальной активности на практике. Следует учитывать следующие важные обстоятельства. Первое – время, когда горизонтальная модель мира стала предметом массового распространения, несопоставимо мало по сравнению со временем, когда царила вертикальная модель мира. Второе – огромное число произведений литературной классики предлагает вертикальную модель мира с вертикальной лояльностью как доблестью (вспомним, например, “Айвенго”, “Три мушкетера” и т.п.). Третье – последние десять лет в России вертикальная модель мира и вертикальная лояльность навязываются населению как главный пропагандистский продукт. Четвертое – вертикальная модель мира в ипостаси позитивистской концепции права в советском исполнении по-прежнему царит в юридическом образовании.

В качестве иллюстрации имеет смысл еще раз вернуться к шокирующему социологическому факту, выявленному в наших опросах. С утверждением “Президент должен иметь право отменять те судебные решения, которые вредят государству”, вполне согласны 38% граждан и 32% предпринимателей. Справедливости ради следует при-

⁷ Я говорю о явлении, которое в институциональной экономике называется зависимостью от предшествующего развития (*path dependence*).

знать, что правосознание российских граждан не столько страдает крайним правовым позитивизмом, сколько характеризуется эклектичностью и противоречивостью.

4. *Укорененные неформальные практики.* Эта и следующая причины менее самостоятельны, чем предыдущие. Нередко наблюдаемые нами неформальные практики, препятствующие современному правосудию, обеспечивающему горизонтальные отношения, коренятся в истории или объясняются дефектами массового сознания (правосознания). Сошлюсь на пример, выявленный нами в другом проекте (см. [Преодоление... 2007]). Изучая проблемы взаимодействия граждан и власти по проблемам миграции, мы выявили прецеденты совместных совещаний представителей судов, прокуратуры, милиции и органов исполнительной власти, на которых стороны договаривались об исключительных запретительных мерах в отношении отдельных этнических групп. Здесь очевидная смесь практики советских времен с вертикальным правосознанием, в рамках которого и возможно только участие судей в подобных совещаниях с подобными целями эксклюзивного применения законов.

5. *Разрыв между законами и практикой их применения.* Совокупность приведенных выше причин, взаимодействуя друг с другом, порождают данную причину. Интересный факт такого разрыва связан с малоприменяемыми нормами. Можно убедиться, что, как правило, это нормы, направленные на “горизонтализацию” отношений между ветвями власти или органами власти и гражданами. Пример: применение наказаний за воспрепятствование работе суда должностными лицами. Естественно, что вертикальное правосознание сопротивляется применению такого рода норм.

Здесь не задевается отдельно тема коррупции, поскольку последняя – обычно следствие, сопровождающее указанные выше причины. Но важно отметить такой факт: когда коррупция становится распространенной, масштабной, она оказывается не только следствием, но и причиной новых трудностей, как и причиной усугубления тех проблем, которые ее породили.

Итак, введенное и исследованное выше различие между вертикальными и горизонтальными отношениями, а также обеспечением (необеспечением) их органами власти позволяет ответить на важные вопросы, связанные не только с проблемами трансформации судебной власти, но с пониманием того, что различает исходное и конечное состояния (свойства) обществ, претерпевающих изменения в процессе транзита (модернизации), сопровождаемого трансформацией судебной власти. Данное различие, подтвержденное результатами проекта Фонда ИНДЕМ, имеет важные практические и даже стратегические следствия. Но это выходит за пределы данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Геллнер Э.* Условие свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004.
- Луман Н.* Общество как социальная система. М., 2004.
- Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997.
- Преодоление бюрократических барьеров в сфере миграции и дорожного движения. Научный доклад. М., 2007.
- Рикер П.* Справедливое. М., 2005.
- Фуллер Л.Л.* Мораль права. М., 2007.